

ГЕРТ НЮГОРДСХАУГ

ГОРЬКИЙ МЕД

Первое
дело
Фредрика
Дрюма

Скандинавский детектив (РИПОЛ)

Герт Нюгордсхауг

Горький мед

«РИПОЛ Классик»

1985

УДК 82-312.4
ББК 84(4Нор)

Нюгордсхауг Г.

Горький мед / Г. Нюгордсхауг — «РИПОЛ Классик»,
1985 — (Скандинавский детектив (РИПОЛ))

ISBN 978-5-386-12876-0

«Горький мед» (1985) – первая книга о Фредрике Дрюме, который любит вкусно поесть и увлекается тайнами древнего письма. Почему-то все время так выходит, что он оказывается в самой гуще странных и невероятных событий. Жанр этой ироничной приключенческо-детективной истории определить невозможно: в ней элементы триллера сочетаются с детективными приемами и с характерными особенностями научной фантастики.

УДК 82-312.4

ББК 84(4Нор)

ISBN 978-5-386-12876-0

© Нюгордсхауг Г., 1985
© РИПОЛ Классик, 1985

Содержание

1	6
2	14
3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Герт Нюгордсхауг Горький мед

GERT NYGERDSHAUG
Honningkrukken
1985

*Перевел с норвежского Л. Жданов
Впервые опубликовано Cappelen Damm, 1993*

Издано по соглашению с Immaterial Agents совместно с Livia Stoia Literary Agency

Honningkrukken © Gert Nygerdshaug
© Издание на русском языке. Storyside, 2021
© Жданов Л. Л., наследники, перевод на русский язык, 2021
© ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2021

1

Фредрик Дрюм падает и ползет, но покушается на бутылку «Шато Шеваль Блан», 1961

Что за чертовщина! Подлесок становился все гуще и гуще; он продирался сквозь высокий папоротник. Тропа, куда подевалась тропа?

Внезапно взгляд его остановился на чем-то желтом, болтающемся на ветке впереди слева. Тряпка? Любопытно. Раздвигая кусты, Фредрик взял курс на желтое пятно.

И тут земля под ним разверзлась.

Он провалился в яму в гуще папоротника, и грудь его словно зажало в тисках. Фредрик Дрюм застрял в подземной воронке, ниже которой простиралась пустота. Ноги его болтались в воздухе то ли над входом в пещеру, то ли над бездной. Голова осталась торчать над землей, папоротник щекотал лицо, и он чихнул.

От этого чиха Фредрик Дрюм погрузился еще глубже в воронку. С трудом выпростав одну руку, он попытался за что-нибудь ухватиться, но надежной опоры не было. Вырвал с корнем несколько кустиков папоротника, вертелся и так и сяк, но с каждым движением только съезжал дальше вниз, миллиметр за миллиметром.

Несколько минут он висел, не двигаясь. Слышал, как все чаще колотится сердце, чувствовал, как растет давление на грудную клетку. Во рту пересохло, и он слизнул с верхней губы капельки пота. Только не поддаваться панике... Он попытался крикнуть, но вместо крика получил сдавленный стон.

Да и какой смысл кричать здесь, в лесу, ему никто не встретился, и никто его не услышит.

Фредрик Дрюм поболтал ногами в воздухе – без толку, пустота неумолимо засасывала его. Какая здесь глубина, сколько метров до дна? Десятки, сотни?

Миллиметр за миллиметром. С каждым вдохом. Задерживая дыхание, напрягая грудную клетку, он останавливался, но нельзя все время не дышать. Так-то, Фредрик Дрюм, конец тебе, сейчас провалишься в бездонную шахту в департаменте Жиронда на юге Франции, вдали от родного дома, и разобьешься насмерть! Никто тебя не найдет, пропадешь без вести. В буквальном смысле слова исчезнешь с лица земли. В отчаянной попытке за что-то зацепиться он уперся подбородком в обросший мхом скользкий камень. Закрыв глаза и затаил дыхание.

Кололо в висках, в голове гудела кровь, чудился нестройный хор голосов. Французские и норвежские, норвежские и французские вперемешку. Вот голос его друга Тоба – Турбьёрна Тиндердала: *«Копченая грудинка глухаря, печеночный паишет в коньячном соусе. Бутылка „Шато Толбэт“. Что ты скажешь на это, Фредрик?»* Голос их подруги Майи Мануэллы: *«Медок, Фредрик, Медок – вот где производят самые лучшие вина. Только представь себе эти города – Марго, Пойак, Сент-Эстеф, все на полуострове Медок».* Многоголосое собрание виноторговцев и виноделов: *«Дегустация, превосходное вино, лучшее в Сент-Эмильоне, „Гран-Крю“, „Гран-Крю-Класс“, „Премьер-Гран-Крю-Класс“, попробуйте мое, попробуйте вино урожая вот этого года!»*

Миллиметр за миллиметром. Подбородок сполз на шершавый известняк, и Фредрик Дрюм попытался дышать, не напрягая грудную клетку. Откинув голову назад, он видел трепещущий от ветерка папоротник, видел облезлый древесный ствол, видел ветки и листья – красные, зеленые, желтые. Глаза заливал едкий пот. Хоть бы нащупать ногами опору, хоть бы до дна оставалось не больше метра!

Неужели ему написана на роду такая смерть? Неужели так суждено умереть Фредрику Дрюму по прозвищу Пилигрим? Навеки бесследно исчезнуть в недрах земли... Многие станут искать, но никто не найдет.

Воронка сдирала с него рубашку, лохмотья обмотались вокруг плеч и шеи. Бугристый влажный известняк впивался в спину и грудь, раздирая кожу по мере того, как Фредрик Дрюм неудержимо продолжал съезжать вниз. Скоро воронка расступится, скоро он рухнет в бездонный мрак и разобьется на острых камнях. Вся нижняя часть тела уже свободно болталась в воздухе, он продолжал отчаянно искать опору ногами, но находил одну лишь пустоту. Обе руки очутились в тисках, он не мог шевелить ими, только голова двигалась, и он впился в известняк зубами. Может быть, так удержится? Зубы противно скрипели по горной породе, из десен сочилась кровь, последние силы покидали его.

Остановился? *Больше не съезжает?* Слизнув с губы несколько капель соленого пота, он закрыл глаза – на не сколько секунд или минут? – и почувствовал, что висит совсем неподвижно. Осторожно сделал несколько вдохов. Прислушался. Где-то вдали лаяла собака. Где-то вблизи треснула ветка. *Треснула ветка!* Кто-то идет, кто-то приближается? Фредрик издал хриплый крик и, когда кончился воздух в легких, сорвался вниз.

Городская площадь в Сент-Эмильоне, ослепительно белый оком над морем в районе Медока далеко на юго-западе... Красивый средневековый городок на пригорке к северу от реки Дордонь – Мекка ценителей вин, Сент-Эмильон... Само название обладало качествами доброго вина. Журчащие гласные, обволакивающие язык. Долгий отзвук, как стойкий аромат.

Четыре дня назад Фредрик Дрюм приехал сюда закупить хороших вин для их маленького ресторанчика «Кастрюлька» в Норвегии. «Ресторан „КАСТРЮЛЬКА“ – интимная обстановка. Только шесть столиков. Меню для гурманов. Предварительная запись по телефону». С такого объявления начинали они свое дело. Все шесть столиков были заняты почти каждый вечер. Дела шли хорошо, очень хорошо.

Сент-Эмильон. Он успел уже познакомиться со многими виноторговцами, как мелкими предпринимателями, так и гордыми повелителями подвалов, заведующими хранением и созревaniem вин. Сегодня Фредрик Дрюм сидел за одним из облюбованных ими столиков вокруг большого дуба в центре площади. Яркий осенний свет с юго-запада не слепил глаза.

Дискуссии через столики, между столиками. Бурно жестикулирующие руки. Громкие голоса. Серьезные разговоры. Но говорили не о винах. Не о футболе. И не о политике. Страшная трагедия поразила прелестный городок виноделов Сент-Эмильон.

Непостижимая загадка.

В августе и сентябре бесследно исчезли семь человек. Семь человек в возрасте от девяти до шестидесяти трех лет. Все – жители Сент-Эмильона или его окрестностей.

Шпиль средневековой церкви отбрасывал на площадь длинную мрачную тень.

Он барахтался в темноте. Как же темно кругом. И жестко. Но ведь в Сент-Эмильоне *светло?* Площадь, белая площадь... Разве он не на площади? Или ему снится сон? Тогда пора уже проснуться! Площадь в Сент-Эмильоне, столики вокруг дуба, знатоки вин, владельцы замков и он. Беседуют о винах? Нет, не о винах, о чем-то другом, печальном. Стоп, что-то не так, здесь же совсем темно, жестко, какие-то твердые бугорки! И больно – боль в груди, бедрах, саднит кожу лица. Кто-то сказал ему, что в лесу за Шато Фрижак есть тропа, отличная тропа, кратчайший путь до Шато Шеваль Блан. У Фредрика Дрюма было условлено с управляющим Шеваль Блан, что он посетит замок, придет дегустировать вина. *Ты спишь, Фредрик, на площади Сент-Эмильона светло!*

Фредрик Дрюм совершенно пришел в себя, и мысли перестали путаться. Он упал. Провалился в какую-то яму. Он жив. Наверно покалечился, но не разбился насмерть. У него был обморок. Теперь он лежал, глядя на щель далеко вверх, откуда пробивался свет. Как далеко? От такого падения должны быть серьезные травмы. Собраться с духом и проверить?

Он собрался с духом. Пошевелил конечностями – порядок. Неплохо. Переломов нет? Нет, обошлось. Как с внутренними органами? Он прокашлялся, сплюнул. Вкуса крови не ощутил. Хотя чувствовал сильную боль в груди, голове и бедре.

Фредрик Дрюм лежал на куче веток и прелых листьев. Куча была изрядная. Это она смягчила падение. Кругом откуда-то капала вода. Кап-кап...

С великим трудом он сел. Удивительно: сразу боль в голове поумерилась. Хуже было с бедром, его сковала острая боль. И все же Фредрик Дрюм с радостью заключил, что жив и не изувечен. Хотя провалился в глубокую темную яму.

Что-то не так, этого не может быть, и тем не менее в голове вертелась тревожная мысль: уж не таким ли образом исчезли за два месяца семь человек? Подобно ему провалились в щели в земле, не оставив никаких следов? Да нет, это невозможно, все семь пропавших – местные жители, они прекрасно знали здешние катакомбы. Ибо Сент-Эмильон известен не только своими винами: множество подземных галерей тянется здесь вдоль и поперек, чуть ли не при каждом замке есть своя пещера, приспособленная для хранения вин.

Исчезли. Семь человек. Теперь еще один, норвежец.

Он встал и боднул головой какой-то выступ, да так, что искры из глаз посыпались, но устоял на ногах. Его окружал почти кромешный мрак, свет из щели сверху не доходил до дна провала. Фредрик Дрюм прикинул, что до щели метров семь-восемь. Повел руками вдоль стен... Может быть, есть какой-нибудь выход? В сторону, вверх? Нигде никакого просвета, кроме того, что над ним.

Шагая вслепую, он спотыкался о ветки, скользил на влажных камнях. Какой-то камень с гулким стуком, словно полый внутри, покатился по дну провала, задетый его ногой. Гулкий стук? *Полый камень?* От страшной догадки у Фредрика побежали мурашки по спине. Опустившись на колени, он принялся искать ощупью и нашел – нашел то, что поразило его своим звучанием. Секунду-другую подержал в руках и поспешно выпустил, точно обжегся.

Это был череп, человеческий череп. Стало быть, он не первый в этой ловушке. Из горла Фредрика Дрюма вырвался протяжный тоскливый вой.

– Нет, поезжай в Медок, Марго или Сен-Жюльен. Может быть, там лучше вино, – настаивала Майя Мануэлла, слегка коверкая норвежскую речь.

– Не пытайся меня переубедить, – отвечал Фредрик. – Я выбираю Сент-Эмильон. И дело не только в вине. Там удивительно красивые места. Средневековый городок. Следующий раз – твоя очередь закупать вино, Майя, можешь тогда отправляться в Медок. А то все Мадейра да Мадейра.

Майя Мануэлла Гардиллейро была родом с острова Мадейра, из селения Каникаль, где обосновались китобои. Там у нее остались мать и брат. Отец жил в Норвегии, но с ним она не виделась. Фредрик и Тоб не пытались выяснить причину. Догадывались, что в семье не все ладно. Майя уже много лет как перебралась в Норвегию и вполне прилично говорила по-норвежски.

Они тянули жребий, кому первому ехать закупать вино, и Фредрик выиграл. У них было условлено, что раз в год кто-то из троих отправляется в известные винодельческие районы за винами для их ресторанчика; естественно, с государственной лицензией. Хороший стол требует хорошего вина, это было совершенно ясно. *Самого хорошего.*

– По-моему, ты глупый, ты пожалеешь, – сказала Майя, поднося ко рту бокал.

Втроем – Тоб, Майя и Фредрик – они сидели за своим особым столиком в «Кастрюльке». У них было заведено после закрытия вместе распить бутылочку доброго вина.

– Пусть Фредрик решает сам, – заключил Тоб, протирая круглые стекла очков. – И почему бы не Сент-Эмильон? Там производят одно из моих любимых вин – «Шато Павье».

Ему следовало послушать Майю Мануэллу. Следовало выбрать Медок. Но кто же мог знать, чем это обернется...

Прислонясь к большому влажному камню, Фредрик Дрюм устался на трещину, через которую сверху просачивался свет. Пробормотал что-то про себя и вытащил из кармана предмет, с которым никогда не расставался, куда бы ни заносила его судьба. Это был кристалл в виде пятиконечной звезды размером с пятак, но намного толще, около сантиметра. Выточенный для него по специальному заказу после того, как несколько лет назад он прочитал книгу о таинственных свойствах и роли кристаллов в жизни людей. Суеверие было чуждо Фредрику Дрюму, но факт оставался фактом: каким-то образом этот кристалл контактировал с ним. Все зависело от верного толкования его окраски при преломлении света в пятиконечной призме.

Фредрик поднял звезду над головой. Она окрасилась в невыразительный желтоватый цвет.

Дальше начались странные маневры. Ползая на четвереньках по дну пещеры, он время от времени подносил кристалл почти вплотную к правому глазу, зажимывая левый. И приговаривал про себя:

– Желтый... почти белый, голубоватый? Нет, поглядим теперь... снова желтый... желтый, черт бы его побрал! А здесь, здесь – красноватый? Розовый... точно, розовый... ближе к этой стене... осторожно голову... теперь красный... точно... красный, совсем красный! Так-так, спокойно, главное теперь – спокойствие.

Лежа у самой стены, Фредрик ощупывал руками бугристый известняк, нажимал, стучал костяшками пальцев. Внезапно от стены отделился большой камень и упал подле него, сопровождаемый множеством мелких камешков и песка.

– Вот так! – воскликнул Фредрик, чихнул и протер запорошенные пылью глаза.

Отверстие в стене дохнуло на него затхлой сыростью. Изрядная по величине дыра, за которой тянулся какой-то проход. Фредрик сунул кристалл в карман и пополз вперед. В проходе было тесно, невероятно тесно, но он упорно протискивался метр за метром. Через некоторое время ход расширился, и он без особого труда смог двигаться на четвереньках. Но затем стенки почти сомкнулись, и он решил передохнуть.

Куда ведет этот тоннель? В недра земли? Может быть, это древний канал, проложенный лавой?

Фредрик снова двинулся вперед, хотя проход становился все теснее и теснее. Кое-где ему стоило больших усилий протиснуться между стенками. Несколько раз он едва не впал в панику. Стало жарко, он обливался потом и заметно устал. Дальше, дальше! Фредрик заставлял себя думать о приятных вещах, вспоминать «Кастрюльку» – лучший маленький ресторанчик в Осло, меню которого нет равных во всей Северной Европе. Пройдет не так уж много дней, и он снова будет сидеть там со своими друзьями и компаньонами – Тобом и Майей Мануэллой, рассказывая о поездке в Сент-Эмильон и отмечая бокалом хорошего вина очередной успешный день их заведения! Они будут обсуждать завтрашнее меню: вымоченные в коньяке жареные оленьи почки с тушеным мелким картофелем и с горчицей из Дижона...

Думай, Фредрик, думай!

Неожиданно начался крутой, местами почти вертикальный спуск, и, сползая по нему головой вперед, он понимал, что обратно пути уже не будет. Хоть бы стало немного просторнее! Не дай бог, если выйдет наоборот... Он продирался вниз метр за метром.

Думай, думай о чем-нибудь другом! И ползи, Фредрик, ползи!

Сколько он уже прополз? Сто метров, пятьсот, километр? И какое время суток сейчас, сколько он тут барахтается? Будет ли конец этому кошмару? Его силы были на исходе.

Фредрик боднул макушкой камень – в сотый раз? – и остановился. Тесно, теснее, еще теснее. Нечем дышать. Ты задохнешься, Фредрик!

Цепляясь пальцами за выступы, толкаясь ногами, он продвинулся еще на несколько метров. Когда же кончится этот спуск?

Перед глазами плясали во мраке красные искры, в голове кружил рой мерцающих красных жалищих мошек. Он замер, ощущая спиной тысячетонное давление скального массива.

Разноцветье домов вокруг площади. «Мясо», «Колбасы», «Булочная». И множество людей за столиками подле дуба, местное вино в маленьких кружках. И все говорят, оживленно дискутируют. Уже три дня, как пропал Жан-Мари Ласкомб. Семнадцатилетний парень, изучавший ампелографию и проходивший практику в Шато Босежур Беко. Жил дома у родителей, в самом Сент-Эмильоне. Но три дня назад не вернулся домой к восьми вечера, как было заведено. Никто из друзей не видел его. Управляющий Шато Босежур Беко сообщил, что Жан-Мари, как обычно, покинул замок около половины восьмого. С этой минуты никто его не встречал.

Не стал ли Жан-Мари Ласкомб седьмым в ряду исчезнувших?

Фредрик прислушивался, рассматривая окружающие его серьезные лица и понимая, что в мирном городке виноградарей разыгралась трагедия. Но он приехал сюда по делу. Дегустировать и закупать вина. Несмотря на гнетущую атмосферу, договаривался с виноделами. Сегодня его ждали в Шато Шеваль Блан. Самом роскошном замке в округе, наряду с Шато Озон. Эти два замка пользовались особенной славой. Он предвкушал встречу с управляющим Шато Шеваль Блан.

Как быстрее пройти туда? Этот вопрос он задавал с утра многим на площади и получил много ответов. Они сходились в одном: через лес за Шато Фижак ведет тропа, хорошая широкая тропа. Пустившись в путь во второй половине дня, Фредрик нашел эту тропу. Но в гуще леса она разветвлялась, и он увидел стрелку с надписью «Шато Шеваль Блан». Естественно, Фредрик направился туда, куда указывала стрелка. Однако тропа скоро кончилась, пошел сплошной папоротник. Он уже приготовился повернуть назад, но тут на глаза ему попала висящая на ветке желтая тряпка. Которую он посчитал указателем.

Дыши, Фредрик, дыши!

Он обливался потом – ну и жарница! Кажется, он вздремнул? Вперед! Вперед? Он уперся ногами, продвинулся сантиметров на десять, уперся покрепче... Полметра, метр, по-прежнему под уклон. Чего доброго, скоро свалится в озеро кипящей лавы. Сдавайся, Фредрик, тебе не остается ничего другого!

Ни за что! Фредрик Дрюм не сдастся. Первый раз, что ли, ему бывать в переделке? И ведь справлялся? То-то, за свою короткую жизнь этот Дрюм немало трудностей одолел. Сдаваться? Ну уж нет! Он откашливался, плевыми очищал рот от пыли.

Ободренные шершавым известняком кончики пальцев кровоточили. Все мышцы болели, но Фредрик упорно протискивался вперед. Сантиметры складывались в метры. Внезапно он ощутил на лице слабое веяние. Откуда-то дует! И вроде бы стало прохладнее? Это открытие придало ему новые силы, и он продвинулся сразу на несколько метров.

Все прохладнее и прохладнее. И тоннель расширился настолько, что Фредрик мог ползти на четвереньках. Одолеваемый нетерпением, он уже не прощупывал путь руками и вдруг ударился обо что-то головой. Из глаз посыпались искры, но придя в себя, он разобрал, что преградило ему путь. Проволочная сетка! Тоннель перегороден сеткой... Он соскреб с нее что-то мягкое, похожее на пух. Паутина.

Ошалев от радости, Фредрик из последних сил принялся колотить сетку кулаками... Трах! Сетка исчезла, и послышался лязг, подхваченный гулким эхом, наводящим на мысль о просторных залах.

Понятно: тоннель заканчивается отверстием в стене обширной пещеры. Но что там внизу зазвенело?

Кажется, он догадывается...

Поднатужившись, он развернулся и осторожно просунул ноги в отверстие. За ногами последовал корпус. И вот уже он стоит на чем-то неровном, скользком. На всякий случай Фредрик присел и пощупал опору руками. Ну конечно – он приземлился на сложенные рядами бутылки. Тоннель привел его в винный подвал в пещере под каким-то замком. Другими словами: он спасен!

Спустившись с огромного, в несколько рядов, штабеля, он ступил на цементный пол. Ноги подкосились, он был вынужден сесть. Потом лечь навзничь. Лежа на спине, Фредрик Дрюм вольно дышал, наслаждаясь чистым прохладным воздухом, и ничто не давило на его тело.

Он засмеялся. Громко, неудержимо. Ему ответило жутковатое эхо в обширном подземелье.

Он продолжал лежать, отдыхая, чувствуя, как сердце бьется все ровнее. Сколько длилось его испытание? Сколько часов, суток барахтался он в толще известняка? Поди угадай. Фредрик Дрюм по прозвищу Пилигрим никогда не носил часов.

Все мышцы болели, казалось, тело его – сплошная рана. Одежда превратилась в лохмотья. В желудке урчало, и Фредрик вдруг ощутил сильный голод. Целая вечность прошла с тех пор, как в уютном ресторанчике «Ле Бон Виньерон» на площади Букейр в Сент-Эмильоне он вкушал утку по-бордоски.

Итак, он находится в Сент-Эмильоне. По-прежнему.

Фредрик встал, оперся о стену и заковылял вдоль бутылочных штабелей. Есть тут где-нибудь выключатель? Ему осточертела темнота.

Вскоре он набрел на то, что явно служило выходом на волю: массивную стальную дверь с задвижками и кучей замочных скважин. Стучать и кричать он не стал, полагая, что давно наступила ночь.

Зато возле двери Фредрик нащупал выключатель, и разом вокруг загорелось множество лампочек – под сводами, над каждым штабелем. Яркая вспышка ослепила его, он зажмурился, и прошло несколько секунд, прежде чем смог различать окружающее.

На красиво оформленной дощечке над дверью он прочел: «Гран Кав де Шато Шеваль Блан». Итак, Фредрик Дрюм все же добрался до Шеваль Блан. Хотелось бы знать, сколько покупателей попадало сюда этим путем.

Фредрик Дрюм, великий любитель вин, – в одном из самых знаменитых в мире подвалов! Он и больше никого. Невероятно. «Гран Кав де Шато Шеваль Блан»!

Видели бы его сейчас Тоб и Майя Мануэлла! Тоб, с неизменным воодушевлением снующий между кастрюлями на кухне – тут помешать, там пригубить... Майя с ее бесчисленными идеями и экзотическими рецептами... Втроем они составляли сплоченную команду; в чистых сорочках, в больших белых фартуках чередовались в обслуживании посетителей и приготовлении пищи. Неразлучные друзья – Тоб, Майя и Фредрик. В свободные минуты присаживались у своего столика за полками с разноцветьем бутылок, следя за посетителями при помощи искусно расположенных зеркал.

В самом деле – видели бы они его сейчас!

Прихрамывая, Фредрик неуклюже ковылял туда-сюда в огромной пещере. Кругом сплошные штабеля бутылок. Пыль – на одних слой потолще, на других потоньше. Над каждым – дощечка с указанием года. 1978: хватает пыли. 1976: большой штабель, но вино не лучшего урожая. 1975: очень хороший год, бутылок не так уж много. И так далее, год за годом, вдоль всех стен и в нишах.

Фредрик остановился у маленького штабеля. Всего несколько сот бутылок. 1961 – всем годам год, в нашем столетии не было равных ему по качеству красного вина. Счастливым год для виноделов.

Попробовать?

Какие могут быть сомнения! Если в эту минуту кто-то на свете заслужил право отве-
дать доброго красного вина, так кто же, как не он – Фредрик Дрюм? Благоговейно взяв одну
бутылку, он стер с нее пыль. У двери Фредрик приметил полку с бокалами «Для дегустации»
и штопор.

Он откупорил бутылку. Захватив бокал, нашел укромное местечко в глубине подвала, за
высоким штабелем. Подложил для сидения несколько досок и картон.

Какой букет! Тысячи не поддающихся точному определению ароматов. Мягкий глубокий
вкус. Никаких следов танинов. После каждого глотка вкус несколько минут сохранялся во
рту, обволакивая всю носоглотку. Вот это вино!

Фредрик продолжал наслаждаться. Большие глотки, маленькие глоточки. «Шато Шеваль
Блан», 1961. Кровоточащие пальцы силились крепко держать бокал.

Он почти ополовинил бутылку и пребывал в отличнейшем настроении, когда в голову
вдруг пришла ужасная мысль: *что если случившееся с ним было подстроено?!*

Тропа в лесу. Развилка. Стрелка с надписью «Шеваль Блан», которая ввела его в заблуж-
дение. Кто-то мог повернуть указатель. Кто-то мог подвесить желтую тряпку, чтобы заманить
его в ловушку. Он ведь неспроста пошел через папоротник, был какой-то намек на тропинку?
Словно кто-то проходил там до него. Достаточно было одному человеку проложить путь, чтобы
создалось впечатление, будто среди папоротника есть тропа. Ведущая прямо к тряпке. Прямо
к яме.

Стоп, Фредрик, опять ты даешь волю своей фантазии. Конечно, в твои тридцать два года
ты успел пережить самые невероятные приключения, недаром тебя прозвали Пилигримом, но
это уж чересчур. Бредовая идея. Он попытался задушить ее в зародыше.

Увы... Чем ближе дно бутылки, тем больше крепло подозрение. Страшное подозрение.

Утром на площади многие слышали, что он собирается посетить Шато Шеваль Блан.
Многие говорили ему про тропу. Кого-то из них он уже знал по имени, лица других память
не сохранила.

Вздор! Чепуха!

Времени на то, чтобы повернуть указатель и повесить тряпку, было предостаточно. Да
только чем Фредрик мог не угодить здешним жителям, он вообще впервые приехал во Фран-
цию. Нелепо думать, будто кому-то здесь вздумалось тебя убить.

Вот и управился с бутылкой, а навязчивая мысль все не покидает его. Смутная и путаная,
она упорно вертелась в голове. Поднимаясь на ноги, чтобы взять другую бутылку (нет-нет,
теперь не 1961 года, уважение к хорошим винам не позволяло ему переходить меру, он выбрал
1978), захмелевший Фредрик слегка пошатывался, но духом не пал. Главное – он жив!

Продолжая дегустацию, он неожиданно вспомнил звук, который донесся до его ушей
перед тем, как он упал на дно провала. Громкий треск ломающейся ветки, Фредрик тогда еще
попробовал звать на помощь. Ветку *мог* сломать ветер. Но в тот день не было ветра. Ветка
могла надломиться сама собой. Могла... Но *могло* быть и другое...

«Трам-там-там, – напевал он про себя. – Драм-драм-дум. Продолжай, Дрюм, давай!
Фредрик Обезглавленный, Исцарапанный, Освежеванный. Прислушайся к духовому оркестру,
выдели барабаны. Трам-тарарам-тарарам-тарарам, дрюм-дурурюм-дурурюм-дурурюм! Бара-
баны, ха-ха-ха!»

Фредрик Дрюм повалился на бок; смятая картонная коробка заменила ему подушку.
Основательно наклюкавшись, он погрузился в сон.

Он проснулся внезапно. Грохот открывающейся двери отозвался дребезжанием в бутылочных штабелях. Прошло несколько минут, прежде чем до сознания Фредрика Дрюма дошло, где он находится и как сюда попал. На душе было гадко, он чувствовал себя примерно, как гроздь винограда, по которой основательно потоптались. Голова? Тут она, тут, еще как.

Уйти отсюда. Он должен выбраться на волю. Незаметно.

С трудом поднявшись на ноги, Фредрик обогнул ближайший штабель и осторожно выглянул. Никого. Путь свободен. Дверь открыта. Прихрамывая, он просеменил к выходу, выскользнул на шуршащую гравием дорожку, юркнул в сторону и присел за кустами, обозревая открывшуюся картину.

Сам замок Шеваль Блан возвышался метрах в двухстах от него. Слева совсем близко жались друг к другу маленькие домики. Направо – лес. Тот самый? Возле замка яростно залаяла какая-то собака. Чертов барбос!

Он взял курс на лес. Ступал осторожно, каждый шаг отдавался болью во всем теле. Попадись он кому-нибудь на глаза в этом роскошном поместье – оборванный, весь в крови, – немедленно вызовут жандармов, как пить дать. И придется ему отвечать за то, что без позволения покусился на дорогие вина. Очень дорогие.

Идя вдоль опушки, Фредрик увидел начало тропы и стрелку с надписью «Сент-Эмильон». Вот она, *его* тропа. Он передернулся, вспоминая, как час за часом с муками продирался под землей. И ведь продрался, видит Бог, продрался!

Тропа была широкая, битая. Прошагав несколько сот метров, он обнаружил знакомое место. Та самая развилка. И указатель с надписью «Шеваль Блан».

Замок остался у него за спиной.

Вчера стрелка указывала в другую сторону. На ложную тропу, которая привела его к провалу.

По спине Фредрика Дрюма пробежал озноб.

2

Он танцует рок, изучает карту вин на дискотеке и заводит знакомство

Фредрик отчаянно чертыхался, стараясь полегче водить бритвой по расписанной царапинами и ссадинами коже. Смотрел на себя в зеркало безо всякого удовольствия. Молодое еще, хоть и не без морщин, загорелое лицо было обезображено воспаленными розовыми пятнами. По-детски простодушные голубые глаза могли свирепеть и метать гневные искры, когда его выводили из себя. Но чаще всего они озарялись весельем. Смех был единственным оружием Фредрика Дрюма, с ним он выиграл не один жестокий поединок.

Фредрик по прозвищу Пилигрим, которое пристало к нему после злополучной истории с кинозвездой Миа Мунк. Зеленый и неопытный в любви, он оказался легкой добычей. Они случайно познакомились в какой-то компании, и когда он без экивоков и всяких задних мыслей поведал ей о своих многочисленных странствиях, не лишенных приключений, она во всеуслышание объявила: «Я нашла своего Пилигрима». После чего в одном журнале с заметками из жизни звезд появились фотографии и крупный заголовок: «НОВЫЙ ДРУГ МИА МУНК – ПИЛИГРИМ». Вся Норвегия могла любоваться тем, как он с лучезарной глупой улыбкой стоит, обнимая прелестницу. Три месяца спустя Миа Мунк кинулась в объятия другого мужчины. Но прозвище так и осталось за Фредриком.

Было это почти три года назад. Задолго до рождения «Кастрюльки». Но воспоминание все еще терзало Фредрика Дрюма, ибо при всей своей стеснительности он не чурался женщин. В глубине души мечтал о романтической крепкой любви.

Обратная дорога в Сент-Эмильон далась ему нелегко, каждый шаг отзывался мучительной болью. А с каким неприкрытым отвращением смотрели на него встречные. Побывавший в переделке бузотер не мог рассчитывать на симпатию. Портье гостиницы «Плезанс», где остановился Фредрик, явил исключение. Вероятно, потому, что видел его ранее, да и в пятизвездных гостиницах не останавливаются бузотеры.

– Несчастный случай? – спросил он, сделав большие глаза.

– Да, – ответил Фредрик, – очень серьезный.

И поспешил к себе в номер. Слава богу, все позади.

Он проспал несколько часов. Потом принял душ, привел себя в порядок, переоделся. Посмотрел на календарь и на часы: вторник, 2 октября, четверть шестого. Он не подозревал в тот момент, что речь идет о важном дне в истории Сент-Эмильона: время собирать виноград. Специалисты определяли степень зрелости ягод с точностью чуть ли не до одного часа. Начни собирать их на два дня раньше – катастрофа. На два дня позже – то же самое.

Так, теперь можно дать себе разрядку, отвести душу.

Уговорив себя, что выбрился вполне прилично, он сел за письменный стол. Забыть на несколько часов о винах и подвалах. Сосредоточиться на своем хобби. Хорошее хобби – лучший отдых. У Фредрика Дрюма такое хобби было.

Когда-то он служил дешифровщиком. Получил специальное военное образование. С самого детства Фредрик увлекался тайнописью, раскрытием кодов, разгадыванием ребусов. И когда его призвали в армию, явилась возможность приобрести необходимые знания. Однако расшифровка военных кодов не приносила ему полного удовлетворения. Очень уж шаблонное, малоувлекательное занятие. Его манили более сложные задачи. После нескольких лет на филологическом факультете столичного университета он посчитал, что заложил основу, позволяющую взяться за серьезные исследования, покуситься на тайны древних письмен.

Начал он с рисуночного письма майя. До сих пор исследователям удалось лишь установить обозначение цифр от единицы до десяти. С поистине шампольонским жаром Фредрик Дрюм целый год странствовал по Центральной Америке, изучая и сопоставляя различные тексты. Написанная в шестнадцатом веке книга «Сообщение о делах в Юкатане», в которой Диего де Ланда приводил и толковал некоторые знаки, ему не помогла. Пришлось отступить. Что, однако, вовсе не означало полной капитуляции. Он и после не раз обращался к своим старым записям и подстегивал воображение, изыскивая новые подходы. Правда, без результата.

Зато вот уже год Фредрик усиленно занимался линейным письмом Б, известным по надписям на сотнях глиняных плиток, найденных археологом Эвансом при раскопках Кносского дворца на острове Крит. В 1956 году англичанин Майкл Вентрис сообщил о своей дешифровке письма Б, однако, его толкования подверглись серьезной критике. Особенно после того, как стало выясняться, что Кносс вовсе не был дворцом царя Миноса, а скорее громадным каменным склепом. Огромные глиняные сосуды – пифосы, – которые находили почти в каждом отсеке, содержали человеческие кости, порой даже целые скелеты, хотя, согласно дешифровкам Вентриса, основанным на твердом убеждении археолога Эванса, что он раскопал дворец царя Миноса, в них должны были храниться напитки и съестные припасы.

Фредрик Дрюм считал, что ему удалось подобрать многообещающий ключ к шифру линейного письма Б. Почти всюду он возил с собой фотографии некоторых важнейших плиток. Особенно интересовала его плитка «Пи Та 641». Майкл Вентрис предложил такой перевод надписи:

«Пифос 3... пифос, большой, с четырьмя ручками, живой,
пифос, малый (человек?), четыре ручки, хмель,
пифос, малый, три ручки, зеленое масло,
пифос, малый (наконец), без ручек».

Довольно бессмысленно и бессвязно. Фредрик не видел логики в этом тексте. Потому и разработал свой собственный ключ. Предварительные попытки сулили успех. Текст сразу становился более интересным.

Два часа работал он над линейным письмом Б, насвистывая про себя и подкрепляясь сырными палочками.

Потом прошел в ванную. Снова посмотрелся в зеркало. Ему хотелось выйти в город, общаться с людьми, но уж больно вид был непрезентабельный.

Внезапно его осенило.

Он поспел в аптеку как раз перед закрытием. В его французском не нашлось нужных слов, но продавщица быстро сообразила, что ему нужно. Обрато в гостиницу.

Вооруженный коричневыми кремами и нейтральной пудрой, Фредрик основательно потрудился над своим лицом. И добился удовлетворительного результата. Теперь было бы трудно разглядеть – во всяком случае, при искусственном освещении, – изъяны в его фасаде. Остальные кожные покровы его не волновали, они были закрыты одеждой.

В город, от Колокольной площади вниз по узкой улочке до главной площади Сент-Эмильона – Плас дю Марше. Здесь Фредрик Дрюм сел за столик перед блинной и, заказав блинчик с сыром и чашку чая, обратил взгляд на компанию, сидящую вокруг большого дуба.

Все были на месте.

Виноторговцы, крупные и мелкие. Они явно постоянно собирались здесь. Фредрик отмечал знакомые лица. Услышит ли он чей-нибудь удивленный возглас, если спустится к ним и закажет стаканчик вина?

Он выкинул эти мысли из головы, сосредоточился на чае, купил газету, и в глаза ему бросились заголовки:

ПОЛИЦИЯ НЕ В СИЛАХ РЕШИТЬ ЗАГАДКУ ИСЧЕЗНОВЕНИЙ В СЕНТ-ЭМИЛЬОНЕ

Комиссар Дюфлер полагает, что это дело рук сумасшедшего убийцы. В Сент-Эмильон прибыли следователи из Парижа. Полиция начинает операцию, сравнимую с той, которая в начале восьмидесятых годов привела к обнаружению и ликвидации особо опасного преступника Жака Месрена.

Фредрик Дрюм внимательно прочитал все, что относилось к этой теме. Ну вот, опять двадцать пять! Он-то предвкушал мирное времяпрепровождение с дегустацией вин и приятными беседами о новом урожае.

Он прислушался к доносившимся до него обрывкам разговоров. Звучали чьи-то имена. Имена исчезнувших людей. Приглушенные речи, нервные взгляды... И ни слова о важнейшем событии года – сборе винограда.

Вот так.

Он снова обратился к газете. В одной заметке перечислялись имена:

7 августа: Соланж Тефлие, 37 лет, домохозяйка;
10 августа: Серж Антон Килли, 9 лет, школьник;
23 августа: Робер Меллин, 51 год, виноградарь;
25 августа: Сирил Глара, 29 лет, виноградарь;
3 сентября: Жанет Муле, 15 лет, школьница;
12 сентября: Грэс-Клэр Мойер, 63 года, пенсионерка;
28 сентября: Жан-Мари Ласкомб, 17 лет, ученик.

Возраст – самый различный. Жертвы обоего пола.

* * *

Вряд ли за этим стоит какой-нибудь сексуальный маньяк, заключил Фредрик Дрюм, складывая газету и отодвигая ее в сторону. Он не собирался впутываться в это дело.

Не собирался? Он, Пилигрим?

Фредрик посмотрел на ближайшие столики. Среди посетителей выделялись сидящие порознь двое элегантно одетых мужчин. Следователи из Парижа. Надо думать, не они одни размещены на стратегических позициях в округе. Сент-Эмильон с прилегающим районом занимал не такую уж большую территорию. Естественно, приезжие бросаются в глаза.

Фредрик расплатился и направился вверх по тесной улочке, через Каданские ворота к францисканскому монастырю XV века. Выбрал место и сел у стены перед монастырем, откуда был виден почти весь городок, слабо освещенный редкими уличными фонарями. Тихий городок.

С крыши монастыря за его спиной взлетели голуби. Мощные серые монастырские стены хранили безмолвие. За ними были сплошь одни развалины, остатки келий, поросшие бурьяном. Но по словам местных жителей, каждую неделю, в ночь на среду, когда церковный колокол пробьет двенадцать, оттуда доносился детский плач. Ему об этом совершенно серьезно поведал один бывший виноторговец, пенсионер, вместе с которым он как-то вечером сидел за столиком на площади, и окружающие кивали, подтверждая его слова.

Фредрик улыбнулся. Теперь прибавится пищи суеверию... Достав из кармана звездный кристалл, он поднес его почти вплотную к правому глазу и прищурился. Нормальный желтоватый цвет.

До полуночи оставалось три часа.

Дисотека. Фредрик Дрюм знал, что в Сент-Эмильоне есть дискотека, и решил сходить туда. Не мешает послушать музыку. Основательно прочистить мозги, засоренные мыслями о событиях истекших суток. Глядишь, снова захочется выпить бутылочку доброго вина?

Помещение дискотеки было забито молодыми людьми, заполнено табачным дымом и громкой музыкой. Стробоскоп и световой орган создавали надлежашую психоделическую атмосферу. Фредрик остановил свой выбор на столике, за которым сидела молодая пара. Они не обратили на него внимания, всецело занятые познанием губ друг друга.

Что-то кольнуло в груди, чуть-чуть. Воспоминание о Миа Мунк?

Он заказал кружку пива и отдался воздействию Майкла Джексона. Хорошо-то как... Фредрик Дрюм перенесся совсем в другую страну, совсем в другое время.

Сейчас он находился на Кноссе. Древняя культура, диковинные обычаи... Он видел ритуальные игры: юные девушки в белом легко танцуют перед ревущим быком. Элегантные шаги – быстро назад, потом вперед, и грациозное сальто через голову разъяренного животного с точным приземлением за его спиной. Судьи единогласно ставят десять баллов. Бокал светлого медового вина красавицам, затем – освежающее купание в мраморном бассейне! Да только все не так, не так. А вот как на самом деле: торопливые нервные шаги перед быком, страх на миловидных бледных лицах, бык бросается вперед, и юная девушка, пронзенная рогами, летит, истекая кровью, на землю у ног жрецов, которые привычными движениями сильных рук подхватывают ее и отправляют вниз головой в место последнего успокоения – стоящий наготове огромный пифос.

Археолог Эванс – лжец, обманщик.

Майкл Вентрис, верный последователь мастера, истолковал линейное письмо Б в его духе, приукрашая минойскую культуру.

Целующаяся пара ушла. С минуту Фредрик Дрюм сидел один. Затем на стул напротив опустилась девушка. Фредрик старался не глядеть на нее, вертел головой и так и сяк, однако, невольно задерживал взгляд на ее лице. *Удивительно* красивое создание. Ждет кавалера?

Прошло десять минут, никакие кавалеры не появились, девушка продолжала сидеть напротив него, держа в руке бокал и созерцая столешницу, и тогда Фредрик прокашлялся, заглушая музыку.

Она подняла взгляд.

«И не пытайся», – говорили ее глаза.

«А я и не думал», – мысленно ответил Фредрик, малость смутившись, однако, позволил себе слегка улыбнуться.

После еще десяти минут, когда Фредрик почувствовал, что начинает превращаться в истукана, он резко встал, поклонился и вымолвил:

– Разрешите?

Диск-жокей поставил рок, властный ритм пронизал все тело, как тут устоять. Она ото-двинула свой бокал, встала и последовала за ним.

Рок! С ноющими мышцами и костями Фредрик Дрюм двигался как деревянный. Каждая клеточка стонала, но отступать было поздно.

Сплошное мучение... А девушка перед ним танцевала грациозно и легко, как пушинка. Он попробовал изобразить кое-какие отработанные коленца, и даже что-то получилось, но и тут он напрасно пытался поймать ее взгляд. Для нее он был бесплотной тенью. «Берегись, – подумал он. – Я бык, у меня острые рога!»

Когда они сели, он, прежде чем снова загрохотала музыка, успел представиться. Фредрик. Дрюм.

– Дрим? – удивилась она. – Что это значит – Дрим?

– Моя фамилия, – ответил он. – Дрюм. Французы произносят «Дрим». Я норвежец.

– Я француженка. Женевьева.

Он уловил оттенок иронии в ее голосе, но теперь она хоть *посмотрела* на него.

– Выпьем бутылочку вина? Я один, хочется с кем-нибудь поговорить, и у меня нет никаких дурных намерений! – Ему приходилось напрягать голосовые связки, чтобы перекричать музыку.

«Орать, предлагая незнакомой женщине распить бутылочку вина, не очень-то прилично», – подумал он. Она бросила взгляд на часы, подумала, потом кивнула.

Фредрик метнулся к бару. Спросил карту вин. Карта вин! Карта *марочных вин* на дискотеке? Во всем мире только в одном месте возможно такое – в Сент-Эмильоне.

Он выбрал вино из середины списка. Не хотел ни переусердствовать, ни показаться жадным. Маленький замок: Грас Дье. Класс: «Гран Крю». Для замков в округе Сент-Эмильона была установлена особая классификация. Двенадцать лучших составляли «Премьер Гран Крю Класс». Особо выделялись среди них, разумеется, Шато Шеваль Блан и Шато Озон; их вина стоили в три раза дороже продукции других замков того же класса. После «Премьер Гран Крю Класс» следовал просто «Гран Крю Класс», включающий семь десятков замков. И замыкал список класс «Гран Крю», куда входило пятьсот с лишним замков. Но Фредрик знал, что и в этом классе встречаются превосходные вина. Все зависит от года.

Он остановил свой выбор на вине «Гран-Крю» производства Шато Грас Дье, 1975 года, зная, что вина этого урожая славились высоким качеством.

Взяв бутылку и два бокала, он возвратился к столику. Налил немного вина девушке. Она понюхала, пригубила и кивнула. Музыкальная машина на время смолкла, стало возможно разговаривать по-человечески.

– Ты хорошо знаешь это вино? – спросила девушка, указывая на бутылку.

– Это? Нет, я впервые пью «Шато Грас Дье». – Он понюхал, пригубил. – Букет с фруктовым привкусом. Мягкое, но вкус недостаточно насыщенный. Маленький замок?

– Странно, – произнесла она задумчиво. – Странно...

– Что же тут странного? – осведомился он, недоумевая.

Она уставилась на него большими карими глазами, словно дивясь чему-то.

– Я живу в Шато Грас Дье, – ответила девушка. – Даже родилась там. Мой отец – винодел, скоро станет земельным собственником.

«Бог мой! – подумал Фредрик, прижимая руку к карману, в котором лежал звездный кристалл. – Какое совпадение. Надо же мне было выбрать именно *это* вино!»

Вслух он сказал:

– В таком случае не сомневаюсь: когда твой отец станет собственником, вино замка Грас Дье перейдет в «Гран Крю Класс». Выпьем за скорое повышение!

Она улыбнулась и чокнулась с ним.

– Ты и работаешь там?

Она покачала головой:

– Нет, учусь в университете Бордо – химия и фармацевтика. У меня полугодовая практика в здешней аптеке. Жить дома дешевле.

– А твой жених? – вырвалось у Фредрика, и он мысленно пожурил себя за бестактность. Девушка отвела взгляд. Сделала глоток-другой вина.

– Мой друг заведует производством вина в Шато Озон, – произнесла она бесцветным голосом.

«Замечательно, – сказал себе Фредрик. – Трам-тара-дум. С какими людьми ты общешься!»

– Он должен был прийти сюда час назад. Теперь уж вряд ли появится. Ничего странного – ведь сегодня день урожая. Наверно у него дел по горло. Как же иначе. – Она встала, взяла свою сумочку. – Мерси, мсье Дрим. Спасибо за вино. До свидания.

Девушка ушла, и Фредрик остался один допивать свое «Грас Дье».

А она не глупа... С каждым глотком ему все больше нравился букет вина. Одно совершенно ясно: он непременно выберет время, чтобы посетить Шато Грас Дье. И запасы «Кастрюлки» пополнятся бутылками из винограда лучшего урожая. А пара бутылочек попадет в его личную винотеку. «Порой качество вина наполовину определяется связанными с ним эмоциями», – философически заключил он про себя, мысленно улыбаясь.

Миа Мунк. Давненько, Фредрик Дрюм, давненько. Вообще давно никого не было.

Дискотека была в разгаре. Взрывная музыка закружила Фредрика в центрифуге без каких-либо неприятных ощущений. Никакой перегрузки, просто из него все выжало, весь мусор, очищая тело и душу. Ежесекундно взрывалось по галактике, каждую секунду рождалась новая. Миллиарды солнц. В одно мгновение. Дивные мысли.

...Он вышел в тихую ночь. Скудное уличное освещение позволяло отчетливо видеть звезды. Фредрик любовался ими, пока не заболела шея.

Поднявшись вверх по улице Гваде, он свернул в переулочек с претенциозным названием «улица Жирондистов». Часы на церкви показывали без четверти двенадцать. Скоро полночь. Поддавшись внезапному порыву, он изменил направление. По улице Францисканцев поднялся к старому монастырю.

Вторник. Сегодня вторник. Скоро церковные часы пробьют двенадцать. Кажется, в это время из-за стен монастыря доносится детский плач? Доброе вино все еще согревало Фредрика.

Он сел на парапет перед монастырем, свесив ноги над улицей вниз. До мостовой было далеко, и у него слегка кружилась голова. Фредрик Дрюм не был свободен от страха высоты. Тем не менее он продолжал болтать ногами в воздухе. Как там его друг, философ, гурман Тоб, Турбьён Тиндердал выразился однажды? «Пустота внутри тебя равна пустоте снаружи, и нередко она ощущается куда сильнее. И тут и там есть свои НЛЮ».

Их дружбе уже много лет. Впервые они познакомились, когда отбывали воинскую повинность. Тоб был тогда поваром, и его кулинарное искусство сблизило их. С той поры они поддерживали связь друг с другом. Не один год обсуждали замысел открыть свой ресторан, и когда появилась Майя Мануэлла, дело сразу пошло. Она была полна энтузиазма и вполне реальных идей. Тоб и Майя когда-то вместе участвовали в одной эстрадной группе.

«Пустота внутри тебя». Фредрик Дрюм не очень-то страдал от этой пустоты, жаловаться грех. Что до внешнего пространства, то и его нельзя было назвать пустым. Отнюдь. По своей природе Фредрик был чрезвычайно любознателен и не жалел усилий, докапываясь до сути вещей. Для него жизнь была полна неразгаданных тайн.

Ни одного человека... Ни одной машины... Всегда ли в Сент-Эмильоне такая тишина? Сейчас-то она вполне объяснима. Семь человек... В семи домах царят тревога и горе.

Часы на церкви начали бить.

Досчитав до восьми, Фредрик вдруг ощутил спиной прикосновение чьей-то руки. Короткое прикосновение – не дружеское, а резкое, грубое – столкнуло его с парапета в пустоту.

3

Мсье комиссар закуривает сигару, задает вопросы и наливает стаканчик «Шато Гран-Потэ», 1978

Он пролетел от силы метра два, когда почувствовал сильный удар поперек живота, грозящий расцезать его пополам. Прежде чем он сообразил, в чем дело, руки и ноги уже среагировали и обхватили стальной трос, на котором были подвешены уличные фонари. Трос раскачался с такой силой, что один стеклянный колпак отделился и упал на мостовую. Осталась висеть голая лампочка.

Цепляясь за трос двумя руками и одной ногой, Фредрик ждал, когда прекратится качание. Наконец осторожно повернул голову и посмотрел на стену. Трос был укреплен на ввинченном в гранитный блок железном крюке. До верхнего края парапета, где он сидел перед падением, было почти два метра. Туда ему не подняться. До мостовой прямо под ним метров пятнадцать – двадцать.

Он повернул голову в другую сторону. Дальний конец троса был укреплен на стене жилого дома, Фредрик различил несколько окон. В каком-нибудь полуметре ниже крюка виднелся небольшой покатый выступ шириной в два кровельных камня, который тянулся под окнами вдоль всего фасада.

Фредрик зажмурился и стиснул зубы, борясь с сосущим страхом высоты и смертоносной встречи с брусчаткой.

Выступ. Сумеет он к нему добраться? Трос не лопнет, крюки не выскочат? Он прикинул расстояние. Семь-восемь метров, не больше.

Почему он не кричит, не зовет на помощь, извещая весь Сент-Эмильон, что висит на тросе и в любую минуту может упасть? Что бы ни говорили о Фредрике Дрюме, а с логикой он был в ладу. Он понимал, что у полиции, или пожарных, или аварийной службы уйдет слишком много времени на то, чтобы придумать способ снять его отсюда. Задолго до этого руки и ноги совсем онемеют, и он упадет. Упадет.

Фредрик старался не смотреть вниз. Прикидывал, как двигаться вдоль троса. Повиснуть на одних руках и перехватываться ими? Хватит ли сил? Какие-то мгновения все его тело, все семьдесят с лишним килограммов будут висеть на одной руке. Не вернее ли ехать по тросу, сохраняя теперешнее положение, пока он не упрется ногой в стену дома?

Долго размышлять было некогда. Фредрик чувствовал, как трос, врезаясь в бедро и руки, нарушает кровообращение. Надо действовать немедленно.

Лежа на тросе, он осторожно опустил вторую ногу, затем стал поворачиваться, пока не повис на вытянутых руках. Трос раскачивался и вибрировал, и Фредрик невольно приметил, как его тень мечется по мостовой внизу.

Он быстро перехватился раз-другой, перемещаясь к середине троса. Тяжело, страшно тяжело. Только не промахнуться рукой... И побыстрее перехватываться... Хоть бы этот проклятый трос не раскачивался так сильно!

Полпути одолел... Миновал голую лампочку. Придал телу ритмичное колебательное движение, помогая руками. Три метра до стены, два метра, один! Вот и выступ, он оперся на него коленями, продолжая цепляться за трос...

Его била дрожь, все тело трясло, реакция после чудовищного напряжения не заставила себя ждать. Вверх по пищеводу пополз желудочный сок, Фредрика вырвало, и желчь стекла по подбородку на коричневую черепицу.

Наконец страх отступил, и ему полегчало.

Фредрик присмотрелся к выступу: ширина – две черепицы, заметный покат. Сумеет пройти? Должен, до ближайшего окна не так уж далеко. Вот только на нем крепкие ставни. И следующее окно тоже закрыто ставнями. Лишь у третьего окна они распахнуты. А туда почти десять метров.

Он выпрямился и встал, прижимаясь к стене. Отважился выпустить трос. Неровные плитки были ненадежной опорой, большинство из них еле держалось. Здесь следовало ступать с великой осторожностью.

Лицом к стене. Шаг за шагом. Тщательно проверяя опору ногой, равномерно распределяя нагрузку на выпуклой поверхности черепиц. Первое окно. Есть за что держаться. Дальше снова гладкая стена.

Пробили часы на церковной башне. Половина первого.

Только бы какой-нибудь ночной прохожий внизу не обнаружил его, не принялся кричать. Он и так с трудом удерживает равновесие, малейшая помеха может оказаться роковой. Но улица оставалась пустынной, трос с голой лампочкой перестал раскачиваться, все тени замерли.

Следующее окно, опять можно взяться руками за ставни. Он перевел дух. Его шаги по гремящей черепице были далеко не беззвучными. Если в доме живут люди, они давно должны были услышать шум, – почему не реагируют? Фредрик не стал ломать голову; главное – скоро он будет в безопасности, до следующего окна всего два-три метра и оно не закрыто ставнями! Он заберется внутрь, ничто не помешает Фредрику Дрюму.

Только не горячиться. Один неосторожный шаг, потеря равновесия и – прощайте, бедный мсье Дрюм. Ему стало весело.

Вот он берется наконец за створку, а теперь и за подоконник. Фредрик заглянул в комнату. Темно, ничего не видно. Он постучал по стеклу. Тишина. Постучал сильнее – по-прежнему никакой реакции. «К черту вежливость», – сказал он себе и вышиб стекло кулаком. Зазвенели осколки, он порезал один палец. Слизнув капельки крови, просунул руку в отверстие и нащупал щеколду. Окно открывалось внутрь.

Забравшись через подоконник в комнату, Фредрик услышал собственное тяжелое дыхание. Попытался сориентироваться в темноте.

Тепло. Как от присутствия людей.

Он задел ногой стул, нащупал руками стену, повел по ней ладонями. Шкаф. Дверь. Выключатель. И приглушенный крик, когда зажегся свет.

Хотя зрелище, представшее его глазам, по существу было весьма трагическим, он невольно расхохотался. Несомненно, причиной громкого, лишнего всякой эстетики смеха было то, что он только что избежал смертельной опасности. Так или иначе, Фредрик Дрюм хохотал.

Посреди комнаты стояла широкая кровать. Под простыней на этой кровати лежали, прижимаясь друг к другу, двое. Мертвенно-бледные от страха. Фредрик в жизни не видел столь ярко выраженного ужаса. Они таращились на него так, словно он был чудовищем с какой-нибудь чужой планеты. И то: какое еще создание могло среди ночи проникнуть в спальню через окно, расположенное посреди гладкой стены?

Он прокашлялся и учтиво поклонился, но пара только еще теснее прижалась друг к другу.

– Прошу прощения, мадам и мсье, произошел несчастный случай, я едва не сорвался вниз и не разбился насмерть.

Фредрик виновато поднял руки и заметил, что ладони коричневые от ржавчины на тросе.

– Словом, – он еще раз прокашлялся, – вам нечего бояться. Я норвежец.

Как будто это могло служить смягчающим обстоятельством.

Мужчина – ему было около пятидесяти – приподнял простыню и даже попытался что-то сказать, но только пошевелил челюстями.

– Разумеется, я заплачу за разбитое стекло, – продолжал Фредрик, – но не могли бы вы встать и подойти со мной к окну, чтобы я объяснил вам, как все произошло. Поверьте, я чудом остался жив.

Он прошел к окну и выглянул наружу.

В самом деле чудо...

На кровати все оставалось по-прежнему, мужчина так и не выбрался из-под простыни. И челюсти его были плотно сомкнуты. Фредрик сделал новую попытку объясниться, но только зря старался – супруги молча таращили на него глаза. В конце концов он сдался, достал пятидесятифранковую бумажку и положил на тумбочку.

– За разбитое стекло, – сказал он. – Спокойной ночи.

Вышел в коридор, отыскал дверь на лестницу. Постоял в темноте, сбрасывая напряжение. Утвердился в сознании своего бытия, собрался с мыслями. Сказал себе, что испуг супружеской четы нетрудно объяснить: они явно решили, что он неспроста зовет их подойти к окну, где-то там ждет страшный экипаж, на котором он намерен доставить их в потусторонний мир. Как он это уже проделал с семьей обитателями Сент-Эмильона и округи. Смешно... Однако у Фредрика пропало желание смеяться. Спустившись по лестнице, он нашел входную дверь, отодвинул засов и шагнул через порог.

Вон там, наверху...

Он смотрел на стену, смотрел на лампочку, качающуюся на тонком проводе. Ощутил спиной холодок. Ледяной холодок. В том самом месте, которого час назад коснулась рука.

Рука.

Теперь он был начеку. Стремительно зашагал вверх, держась середины улицы. Свернул в переулок налево. Вот и гостиница. Скорей туда. Вошел в вестибюль. Портье кивнул:

– Несчастный случай?

Фредрик посмотрел на свои светлые брюки. С темными пятнами от ржавчины.

– Ничего серьезного, – сказал он.

Взял ключ и поспешил подняться в номер. Опустился в глубокое кресло.

«Черт-те что, – подумал он. – Несуразица, полнейший бред!» С чего бы кому-то понадобилось убивать его? Кому здесь Фредрик Дрюм мог перейти дорогу? До приезда сюда он не знал никого из местных жителей. А с кем успел здесь познакомиться, говорил почти исключительно о винах. Он никак не мог кого-либо задеть или оскорбить.

Тем не менее факт остается фактом – на его жизнь покушались. Дважды пытались его убить. Кто-то следит за ним. Кто-то постоянно знает, где он находится. Рука толкнула его сзади, когда били церковные часы. Чья рука?

Он вытащил кристалл. Звезда излучала голубоватое сияние.

Фредрик встал, сбросил брюки и рубашку. Достается тут его одежде... К царапинам и ссадинам добавился широкий синяк поперек живота. След от троса, спасшего ему жизнь. Видели это Рука? Несомненно. Рука знает, что Фредрик Дрюм все еще жив. И Рука не откажется от новых попыток.

Бред какой-то. В Сент-Эмильоне бесследно исчезают люди. Очевидно, орудует некий извращенный тип, одержимый манией убивать и прятать жертвы. Случай не новый. Вот только покушения на его жизнь, особенно последнее, не укладываются в эту схему. Его пытаются убить так, чтобы создалось впечатление, будто произошел несчастный случай. Тут явно кроется что-то другое.

Обратиться в полицию? Фредрик не видел в этом смысла. Вряд ли ему поверят. Но если даже поверят, что может сделать полиция? Приставить к нему охрану? Держать его взаперти в надежном месте? Уж наверно у полиции есть дела посерьезнее, чем опекать норвежца с непомерно развитым воображением. Нет, в полицию ему незачем соваться.

Фредрик расхаживал голый взад-вперед между кроватью и ванной и стакан за стаканом пил воду, как всегда, когда был сильно возбужден или чем-то потрясен. Пытаться уснуть сейчас было бы бесполезно.

Несколько раз он ловил себя на мысли, что ему, возможно, почудилось прикосновение Руки, просто закружилась голова или разыгралось воображение. Но всякий раз он отбрасывал эти версии. Нет-нет, это исключено. И нечего подыскивать какие-то объяснения, умаляющие значение случившегося. Слишком велик риск, что следующая попытка Руки окажется удачной.

– Враги... – громко сказал он своему отражению, подойдя к зеркалу. – У тебя нет врагов во Франции, Фредрик Дрюм, пожалуй, во всем мире нет.

Ночь не спеша отмеряла шаги до рассвета, а он все продолжал ломать себе голову. Несколько раз проверял, надежно ли заперта дверь, нельзя ли проникнуть в номер через окно. Нельзя, разве что у Руки есть крылья. Что представлялось ему маловероятным.

Около шести утра он простерся на кровати и попробовал сосредоточиться на созерцании обоев. В их узоре был хоть какой-то смысл: переплетение цветочных венков, зеленые стебли и розовые бутоны. Маниола ацидоса, один из самых красивых цветков в мире, растет в Андах, у верхней границы леса. Но трогать его опасно для жизни, в лепестках содержится сильнейший яд. Странно, что он совсем не действует на насекомых.

Нет, вряд ли на обоях Маниола ацидоса.

– Восемнадцать посадочных мест, – говорил Тоб. – Три столика на четверых, три на двоих. Если в среднем каждый вечер будут заняты шестьдесят процентов мест – это значит по двенадцать посетителей, – будем с прибылью. При условии, что каждый посетитель оставит не меньше двухсот крон.

– А если каждый вечер будут заняты все столики и каждый посетитель оставит в среднем двести пятьдесят крон? – нетерпеливо осведомился Фредрик, изучая выкладки Тоба.

– Тогда, – сказал Тоб, протирая очки, – ты сможешь отправляться в дальние странствия, расшифровывать экзотические каракули и разгадывать религиозные ребусы. А я сниму лучшую мастерскую в городе, где буду предаваться живописи. Ну а ты, Майя?

Майя Мануэлла поджала губы, потом улыбнулась, сверкая ослепительными зубами:

– Ни за что не угадаете. Скажу только одно: много людей будет радо. Особенно в селении Каникаль.

Чуть больше года назад... Майя Мануэлла, Тоб и Фредрик обсуждали проект своего будущего ресторана. Им предложили небольшое помещение на улице Фрогнер. Астрономическая арендная плата, и все же выкладки Тоба свидетельствовали, что идея может окупиться. Она окупилась.

Надо же, он все-таки уснул. Комната была залита солнечным светом. Электрические часы над кроватью показывали половину двенадцатого.

Фредрик принял душ и занялся своими болячками. Основательно потрудился над грибом, хотя задача осложнилась тем, что ссадины начали покрываться струпьями. Шишек на голове стало поменьше. Завершив косметические процедуры, он заказал завтрак в номер.

Он размышлял, откусывая рогалик. Размышлял, пока ел яйцо. Размышлял, попивая томатный сок. Что дальше, Фредрик Дрюм? Рванешь обратно в Норвегию или?.. Или? Есть еще вина, которые хотелось бы дегустировать, есть замки, которые надо бы посетить. И?

Вот именно – «и». Беспредельное любопытство Фредрика Дрюма, неодолимая страсть разгадывать загадки, печальное свойство ввязываться в дела, которые вовсе не должны его касаться. Гватемала – там он навлек на себя гнев и проклятие католической церкви, полагавшей, что ей принадлежит монополия на некоторые археологические находки и их толкование. Интриги и козни. Юкатан – шальные американцы и туземные уголовники, похищающие сокровища из могильников. Фредрик и тут вмешался и наделал шума. И так всегда. Куда ни поедет

– непременно во что-нибудь впутается. Пилигрим... Теперь вот, невесть по какой причине, под угрозой оказалась его жизнь.

Рука?

Фредрик решил. Он должен выяснить, в чем дело. Если теперь он сбежит в Норвегию, потом до конца своих дней будет ломать голову над этой загадкой.

Подойдя к окну, он поднес к свету звездный кристалл и попытался истолковать цвета спектра. Фредрик Дрюм привык к тому, что часто возникают мудреные варианты. Такой комбинации цветов, как теперь, он еще ни разу не наблюдал.

Фредрик сел к письменному столу. Достал записи, касающиеся линейного письма Б. Отвлечясь от происходящего, включить на полную мощность логику и интуицию. Почистить все каналы в сером веществе.

Знаки группы Т. Именно эти знаки не поддавались толкованию с его ключом. По Вентрису, они читались так:

ТА=𐀀, ТЕ=𐀁, РТЕ=𐀂?, ТІ=𐀃, ТО=𐀄, ТU=𐀅.

В сотый раз Фредрик пробежал глазами известное толкование плитки Пи Та 641:

«Пифос 3... пифос, большой, с четырьмя ручками, живой,
пифос, малый (человек?), четыре ручки, хмель,
пифос, малый, три ручки, зеленое масло,
пифос, малый (наконец), без ручек».

Затем он написал одно из своих толкований, проставляя знаки группы Т так, как это сделал бы Вентрис:

«Пифос 3, белый бык, поднимается четырьмя живыми,
пифос сжимает женщину, наливает мед,
пифос меньше (ничего), немного масла,
пифос содержит немного человека».

В таком виде текст казался ему чуть более вразумительным, и он проверил свой ключ на других текстах, в содержании которых было больше смысла. Все упиралось в группу Т. В первом тексте вызывало сомнение толкование этих знаков в приложении к словам «ручки», «масло» и «человек». Фредрик применил альтернативные толкования к текстам на четырех других плитках, потом вернулся к плитке Пи Та 641. Записал еще два возможных варианта. Один из них выглядел довольно странно.

Внезапно он вскочил на ноги.

Конкурс дегустаторов в гостинице «КНА» прошедшим летом! Дегустация вслепую. Восемь различных вин: два из Медока, два из Сент-Эмильона, два из области Риоха в Испании и два «Кьянти Классико». Фредрик Дрюм участвовал в конкурсе и занял второе место, допустив две ошибки. Присутствовали виноделы из всех районов, в том числе из Сент-Эмильона. Мсье Валет из «Юньо де Продуктерс де Сент-Эмильон». Мсье Валет – который на площади возле дуба не узнал Фредрика, когда тот поздоровался и напомнил про недавний конкурс в Норвегии. Мсье Валет *не пожелал* узнать Фредрика, держался холодно и отчужденно.

Стало быть, у него *есть* знакомые здесь, в Сент-Эмильоне. Связующие нити налицо.

Характеризуя вина из Сент-Эмильона, которые подавали в гостинице «КНА», Фредрик был достаточно критичен. «Чересчур сильный фруктовый вкус». «В букете привкус лимона». «Кисловатый привкус». Он хорошо помнил свои оценки.

Шел второй час, и Фредрик отложил записи о письме Б. По-прежнему светило яркое солнце. Он должен выйти. Спуститься на площадь к виноделам. Прислушаться, присмотреться, может быть, забросить удочку. Отныне каждое его движение, каждый ход должны направляться строгим расчетом, он обязан все время быть начеку. Брошенные вскользь слова могут оказаться неслучайными. Ибо среди всех незнакомых лиц за столиками под дубом может находиться Рука.

Как всегда, народу было полно. Посвистывая с беспечным видом, Фредрик осмотрелся кругом, кивнул тем, с кем успел познакомиться, поздоровался, похвалил хорошую погоду. Выбрал столик, у которого уже сидел один мелкий землевладелец, мсье Шармак. Со слов других он знал, что этот добродушный старичок весьма прилежно ведет хозяйство в своем маленьком замке. К тому же Фредрик дегустировал его вино и остался доволен. Уже заказал три ящика урожая 1982 года, отличающегося особенно высоким качеством.

За соседним столиком сидел заведующий производством вина в Шато Кардинал Вильморин – Жан-Люк Лилли. Молодой парень, весьма успешно окончивший энологический факультет в Бордо. Энология – наука об изготовлении вин; однако, вино этого замка разочаровало Фредрика Дрюма букетом и вкусом, напоминающим херес. Там он ничего не заказал.

За другим столиком он увидел двух виноторговцев – господ Леклю и Бонье. Они, как обычно, о чем-то спорили. Понятно – конкуренты в своей области, но их мнения явно расходились и во многом другом. Град слов сопровождался бурной жестикуляцией.

Почти закрытый деревом сидел мсье Кардиль, сорокалетний владелец Шато Лео-Понэ, поставляющего вино класса «Гран Крю». У него были парализованы ноги, и он пользовался инвалидной коляской; несколько лет назад сломал позвоночник в автомобильной катастрофе. Они как-то сыграли партию в шахматы, и мсье Кардиль поведал Фредрику, что любит посидеть здесь на площади среди людей. Шато Лео-Понэ значилось в ряду замков, которые Фредрик собирался посетить.

Мсье Грю-Ликин прятался за газетой, ни с кем не разговаривал. Говорили, что он состоит в родстве с великим Алексисом Ликином, владельцем замка Приор Ликин в Марго. Мсье Грю-Ликин заведовал производством в маленьком замке класса «Гран Крю»; названия Фредрик не помнил. Когда он обратился к Грю-Ликину по поводу дегустации его вин, тот кисло ответил, что норвежцы вряд ли знают толк в добрых винах.

Другие знакомые лица? Вот сидит с важным видом усач мсье Валет. Фредрик Дрюм не испытывал желания заговаривать с ним о норвежском конкурсе. Только непонятно, почему его оценки вин Сент-Эмильона так задели мсье Валета. Может быть, тут кроется нечто иное?

Незаметно Фредрик сумел за несколько минут тщательно изучить лица присутствующих в поисках признаков нервозности, беспокойства. Он ничего такого не обнаружил. Рука оставался невидимкой.

Стакан молодого вина.

Мсье Шармак расписывал задатки урожая 1983 года. Уверял, что вино этого урожая немногим уступит замечательным винам 1982 года. Фредрик слушал вполуха. Он был занят решением ребусов.

В его представлении поступки, поведение, жесты человека за какой-то промежуток времени, короткий или долгий, сравнимы с плиткой, на которой высечены не очень ясные, однако, поддающиеся дешифровке рисуночные письмена. Обладая ключом, можно определить суть, содержание. Сочетание речи, движений и мимики, включая движения глаз, – тончайшая маска, за которой таится существо большинства людей. У хороших актеров маска плотнее, письмена замысловатее.

Последующие полчаса Фредрик Дрюм отвел попыткам дешифровать одного за другим всех сидевших за столиками вокруг дуба.

– Полиция получила подкрепление, военные прочесывают каждый квадратный метр в Сент-Эмильоне и округе. Впервые со времен Жака Месрина привлечены такие силы. Ты знал об этом, норвежец? – Мсье Шармак стукнул бокалом о столешницу, привлекая внимание Фредрика.

– Бедный Жак Месрин, – сочувственно произнес Фредрик.

Месрин был своего рода благородный жулик. Он водил за нос полицию, и публика аплодировала, но полиция стреляла. Одиннадцать пуль положили конец его дерзким выходкам.

– Кроме того, – не унимался Шармак, – они ходят из дома в дом, опрашивают каждого жителя.

Еще один человек подошел к их столику, обменялся рукопожатием с мсье Шармаком, кивнул Фредрику, нашел себе стул и сел. Представился:

– Найджел Мерло.

Добавил с улыбкой:

– В честь знаменитого винограда Мерло.

Лет пятьдесят, красивые правильные черты лица, холеные усики, голос сиплый, гнусавый. Фредрик назвал, рассказал, чем занимается. Мерло был совладельцем ресторана «Ла Телем» на улице Кадан. А также главным акционером винодельческого кооператива «Ла Кав Руж».

– Норвежец? – с явным интересом произнес мсье Мерло. – Редко мне доводится встречать норвежцев. Вы позволите прощупать ваш череп от шеи вверх? Дело в том, что я френолог, меня чрезвычайно интересует форма и строение черепа в сопоставлении с другими, внешними характеристиками человеческого тела. Брока... Наверно, вы слышали о великом докторе Брока?

Прежде чем Фредрик успел возразить, пальцы мсье Мерло уже забегали по его голове – быстрые легкие пальцы скользили взад и вперед по вискам, макушке, затылку. Все эти шишки, которые он набил при падении в яму и странствии через подземный ход!.. Мсье Мерло будет над чем поразмыслить. Френолог... Фредрик немало читал о попытках доктора Брока увязать духовные силы и умственные способности человека с формой его черепа и других костей. По пути сюда, в Сент-Эмильон, Фредрик даже посетил Музей человека в Париже, где исследованиям Брока отведено почетное место. Хотя его теории не имели успеха, у френологии появилось множество приверженцев. Фредрику вспомнилось имя радикального южноамериканского писателя Марио Варгаса Льосы.

Противно. Отвратительно. Очень уж похоже на расистские теории.

Наконец мсье Мерло закончил процедуру и удовлетворенно кивнул.

– Интересно, – коротко подвел он итог.

Явно подразумевались шишки.

Сложный ребус, сказал себе Фредрик. Очень хороший актер. Или образец чистого нескрываемого энтузиазма? Надо прощупать его двумя-тремя вопросами.

– Вы не знаете, здесь, в Сент-Эмильоне, есть дискотека? Ведь где вино, там и танцы.

– Дискотека... Конечно, мсье. В нашем маленьком городке есть отличная дискотека – во всяком случае, так считает молодежь. Она помещается в переулке за «Ле Пале Кардинал», рестораном у бензоколонки, если это вам что-то говорит.

Фредрик кивнул.

– Да, я побывал там, – твердо произнес он. – *Эту* дискотеку я знаю.

Замешательство в глазах мсье Найджела Мерло? Фредрик не располагал ключом для истолкования этого текста.

Поблагодарив за компанию, он обошел еще несколько столиков, договорился о дегустации с двумя-тремя владельцами небольших замков. Затем пересек площадь, направляясь к Каданским воротам. Какой-то человек, сидевший в сторонке, поднялся и последовал за ним.

Под аркой Римских ворот этот человек настиг его. Фредрик сразу заметил слежку и шел не торопясь. Незнакомец схватил его за руку и вытащил из внутреннего кармана пиджака удостоверение.

– Полиция, – сказал он. – Вы норвежец.

Это был не вопрос, а утверждение.

– Будьте любезны взять свой паспорт и последовать со мной в участок. Мсье комиссар желает побеседовать с вами.

– Со мной? Почему? – Фредрик искренне удивился.

Полицейский пожал плечами. Вместе они поднялись к гостинице, где Фредрик зашел в свой номер за паспортом. Полицейский упорно следовал за ним по пятам, точно ждал, что он попытается бежать.

В участке царил бурная активность. Сотрудники в форме и в штатском сновали туда-сюда. При появлении Фредрика беготня на время прекратилась, все уставились на него, и в глазах некоторых можно было прочесть: «Наконец-то Большая охота завершена, чудовище схвачено».

По длинному коридору Фредрик и сопровождавший его чин проследовали в самую глубину здания. Чин постучал в какую-то дверь и получил разрешение войти.

– Норвежец доставлен, мсье комиссар, – отчеканил он.

– Благодарю. Входите, входите. Спасибо. *Вы* можете быть свободны.

Выпроводив властным жестом своего подчиненного, комиссар предложил Фредрику сесть. Улыбнулся, поклонился, попросил предъявить документы, взял протянутый ему паспорт. Тяжело опустился в кожаное кресло за столом с тремя телефонами и грудой бумаг, вздохнул и посвятил пять минут основательному изучению паспорта. Затвердив его содержание, отложил паспорт в сторону. После чего достал местную вечернюю газету и протянул ее Фредрику.

– Через час, – медленно произнес он, – эта газета будет доставлена почти во все дома Сент-Эмильона. Мы посчитали, что лучше заблаговременно доставить вас сюда.

Фредрик схватил газету.

Половину первой полосы занимала фотография испуганной пожилой супружеской четы и статья, озаглавленная:

«СТРАННЫЙ НОЧНОЙ ВИЗИТ

Некое лицо прибывает по воздуху, разбивает окно и вторгается в спальню мсье и мадам Пиро». Пространно описывалось испытанное супругами потрясение, говорилось, что подобраться к этому окну было невозможно без длинной лестницы или подъемного крана. Однако ни лестницы, ни крана не было. Вторгшийся в спальню молодчик говорил на хорошем, но ломаном французском языке и утверждал, что он норвежец. Следовало описание примет, примерно соответствующих внешности Фредрика. Статья драматически завершалась инквизиторским заявлением: «Не исключается связь между этим происшествием и семью загадочными исчезновениями, над расследованием которых сейчас лихорадочно трудится полиция».

О деньгах, оставленных Фредриком в уплату за разбитое окно, ничего не говорилось.

Фредрик бросил газету на пол и рассмеялся. Он хохотал так, что чуть не свалился со стула, рискуя, как говорится, умереть со смеха. Фредрик знал по опыту, что смех – неплохое оружие, когда на карту поставлена жизнь.

Комиссар наморщил лоб. С озабоченным видом поковырял в носу. Встал, подошел к шкафчику, достал бутылочку вина и два стаканчика. Вытащил из нагрудного кармашка сигару и закурил. К тому времени, когда он выпустил второе колечко дыма, приступ смеха у Фредрика кончился, и комиссар смог обратиться к нему с вопросом:

– Стаканчик вина, мсье? И может быть, вы будете любезны объяснить, что вас так насмешило?

Фредрик принял стаканчик и поглядел на бутылку: «Шато Гран-Потэ», 1978. Хорошее вино. Сделав глоток-другой, он начал рассказывать.

Дескать, сидя у себя в гостиничном номере, он выпил полбутылки виски. После чего отправился на дискотеку, где выпил пива и бутылку вина. По пути обратно в гостиницу ему вдруг захотелось полюбоваться видом на ночной город, и он сел на парапет у монастыря францисканцев, свесив ноги. Он был под хмельком, и когда церковные часы начали бить двенадцать, потерял равновесие, упал и повис на тросе уличного освещения. Напрягая все силы и сохраняя хладнокровие, ухитрился добраться до стены дома напротив и пройти по выступу до окна. Остальное комиссару известно. Фредрик указал на газету.

– Кроме одной детали, – заключил он. – На тумбочку около испуганных супругов я положил деньги в уплату за разбитое окно. Пятьдесят франков.

С этими словами он встал и живо схватил со стола свой паспорт, прежде чем начальник полиции успел что-либо возразить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.